

УДК 821.161.1`09

ФУНКЦИЯ И ЦЕЛЬ «НЕМОЙ СЦЕНЫ» В КОМЕДИИ ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Полежаева Т.В.

Волынский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

В статье рассматривается эффект «немой сцены», его роль и место в комедии Гоголя «Ревизор». Представлены различные суждения исследователей о значении завязки, кульминации и развязки произведения, сделан вывод относительно функции и цели «немой сцены».

Ключевые слова: Гоголь, «Ревизор», апосиопесис, «немая сцена», завязка, кульминация, развязка.

Литература о гоголевском «Ревизоре» довольно велика и разнообразна. Здесь и отзывы современников Гоголя, и данные литературной и театральной критики его времени и последующих десятилетий XIX века. Особенно многочисленна библиография пьесы в литературоведении XX-XXI столетий. Среди авторов крупных работ И. Вишневская, В. Воропаев, Г. Гуковский, М. Гус, В. Звизняцкий, В. Кулешов, Ю. Лотман, Ю. Манн, Г. Макогоненко, С. Машинский, П. Михед, Г. Поспелов, А. Ревякин, Н. Степанов, М. Теплинский, М. Храпченко, П. Щипунов.

Среди многих аспектов содержания и формы комедии, ее роли в развитии литературы, других проблем, что были предметом исследования, видное место занимает и «немая сцена», апосиопесис (< гр. – умолчание), т.е. концепт «немой сцены», которой завершается текст гоголевского «Ревизора».

Несмотря на множество суждений в литературоведении XX в., рецепция «немой сцены» до сих пор проблематична, как, впрочем, и роль, и место ее в развитии сюжета. Одни исследователи в сюжете «Ревизора» видят три завязки и три развязки (не упоминая о «немой сцене»), другие – одну завязку (по-разному толкуя ее) и две развязки, третьи – одну завязку, развитие действия и одну развязку (также игнорируя «немую сцену»), четвертые обращают внимание на отсутствие экспозиции, наличие одной завязки, развития действия и одной кульминации, которую видят как раз в «немой сцене». Ясно, что причина столь разных мнений – недооценка логики сюжетного развития, объективных закономерностей структуры и специфики композиционных возможностей сюжета вообще и гоголевского в частности. В результате на пьесу все время накладывается модуль (трафарет) самих реципиентов вопреки гоголевскому замыслу и гоголевскому оформлению, которые он объяснил в одной из работ, почти не замечаемой до сих пор.

Цель нашего исследования – определить место, роль и смысл «немой сцены», являющейся важным композиционным элементом гоголевского «Ревизора».

Учитывая, что пьеса – не механически, а органично связанное целое, отсюда понять «немую сцену» можно лишь в контексте со всеми известными *этапами развития сюжета*. К ним и обратимся.

О трех завязках «Ревизора» В. Кулешов, например, писал (1985): «*Первое известие* о ревизоре круто *завязывает* действие. Но это не вся завязка. Еще нет и мысли, что ожидаемый ревизор и есть чиновник, который две недели живет в гостинице и не платит. *Вторая завязка* – в сцене, когда вбегают Бобчинский и Добчинский и сообщают: «Приехал! Приехал!»... Схватившись за голову и заглывая ртом воздух, городничий... выкрикивает: «Батюшки, сватушки... в эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак, нечистота!» Но и в этой сцене еще не все завязалось, хотя страх уже направлен в определенное русло». *Третью завязку* В. Кулешов находит во «встрече городничего с Хлестаковым». Именно здесь «как только городничий «поверил», он окончательно увяз в своей ошибке» [2, с. 74-75]. Кстати сказать, В. Кулешов выделял и три кульминации, и три развязки, отказывая при этом развитию действия сюжета.

Но такая позиция не нашла поддержки в гоголеведении. В ней нет полноты: нет учета поэтической базы сюжета (т.е. конфликтности), его скрытых (имплицитных) этапов развития. Это неизбежно обернулось выборочностью и механицизмом при анализе произведения. Тут важно учитывать, что *завязка* – форма начального проявления конфликта (главного столкновения образов), и что она имеет два плана – обобщенный и конкретный. Обобщение важнее, оно и предстало в первой же реплике Городничего: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам *пренеприятное* известие. К нам едет *ревизор*». Уже в этом виден главный конфликт пьесы (его противоположные силы отмечены курсивом). Дальше этот конфликт лишь объясняется, конкретизируется, обрастает нарративно-дискурсивными деталями. Поэтому и следующие два факта, воспринятые В. Кулешовым как дополнительные *завязки*, оказываются на деле уже *этапами развития* действия, завязанного первой репликой. В общем, концепция трех завязок не нашла поддержки в науке.

И до, и после этой концепции в гоголеведении есть рецепция первой реплики как *единственной завязки*, крайне сжатой. Об этом писали: в начале XX в. – Вл. Немирович-Данченко [3, с. 246], в 1957 г. – М. Гус [4, с. 145], в 1985 г. – А. Ревякин [5, с. 403] и Г. Макогоненко [6, с. 251], в 1997 г. – М. Теплинский [7, с. 412]. Об *общей* для всего действия пьесы и потому *единственной завязке* первым писал Гоголь после постановки «Ревизора» – в «Театральном разъезде»: «Вообще ищут частной завязки и не хотят видеть *общей*... Нет, комедия должна вязаться сама собой, всей своей массою, в один большой, *общий узел*. Завязка должна обнимать все лица, а не только одно или два, – коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих». Тут же Гоголь объяснил и смысл этой общей завязки: «Правит пьесою идея, мысль. Без нее нет в ней единства. А завязать может все: самый *ужас*, *страх* ожидания...» [1, с. 368]. *Страх* как состояние души является двигателем развития сюжета и антиподом *смеха*. Если *смех* – положительный образ, то *страх* – образ художественный, все самое гнусное, с чем и борется *смех*. С этим согласны большинство исследователей «Ревизора». Что касается *экспозиции*, неверно считать,

что ее нет в «Ревизоре». Она в сжатом виде уже видна в первой реплике городничего: сочетание «*пренеприятное* известие» – это уже намек на «ужас, страх», о которых писал Гоголь. Дальше экспозиция как предыстория и объяснение страха, рассредоточена *по ходу действия*, т.е. проявляется ретроспективно. Такой прием в литературе встречается. Достаточно вспомнить «Маленькие трагедии» Пушкина, где «вместо длительного процесса развития дается лишь кульминационный момент его», который включает в себя остальные этапы, в том числе экспозицию [8, с. 218]. Эти соображения по поводу *завязки* и *экспозиции* «Ревизора» помогают точнее разобраться в вопросе о роли и смысле «немой сцены».

Наряду с рецепцией трех развязок в «Ревизоре» (В. Кулешов) встречаются и две (Г. Гуковский, М. Храпченко), и одна развязка (Вл. Немирович-Данченко, Н. Степанов, Ю. Манн, Г. Макогоненко, А. Ревякин), и даже ее отсутствие, т.е. рецепция финала («немой сцены») как кульминации (П. Щипунов, С. Машинский).

После сказанного, думается, ясна сомнительность трех и двух развязок (это не гармонирует с одной общей завязкой). Но и *одна* развязка сомнительна. Завязка в «Ревизоре» (столкновение беспорядков с известием о приезде ревизора) мгновенно вызывает *страх* чиновников. Однако *страх* не исчезает в финале, он усиливается. Недаром С. Машинский писал о финале как «апофеозе», высшем напряжении, т.е. как о *кульминации* [9, с. 258-259]. Наличие *развязки* не дало бы такого мощного толчка к дальнейшим именно сюжетным размышлениям у реципиентов, к попыткам с их стороны досказать, дописать развязку. К примеру, существует «пьеска», созданная князем Д. Цициановым по заданию царя после первого представления гоголевского «Ревизора» под названием «Настоящий ревизор». Постановка ее сразу после пьесы Гоголя была вменена в обязанность дирекции театров, но не имела успеха. Не писал бы и Гоголь «Театрального разезда» в том же 1836 г., а позже «Развязку Ревизора» (1846). Не было бы и споров в XX в. по поводу развязки, и тех случаев, когда позиция исследователя по поводу оформления и смысла финала (развязка это? или кульминация?) с трудом определима.

Как, например, расценивать такое скрытное противоречивое суждение: «Гоголь не исключал возможности ликвидировать их (язвы управленческой системы) с помощью ревизоров, посылаемых сверху, о чем косвенно свидетельствует *заключительная* «немая сцена», где сообщается о приезде настоящего ревизора из Петербурга. Ревизор «требует» городничего «сей же час к себе», но неизвестно, как поведет себя чиновник и *чем кончится* его приезд» [3, с. 244]. С одной стороны, здесь речь о *заключительной* фазе сюжета, но названа она «сценой», а не *развязкой* (подмена понятий), с другой – «неизвестно... чем кончится» (противоречие). Выходит, что развязка есть, но она не развязывает – и, значит, она формальна, вроде как и нет ее. Однако это не согласуется с мощным энергетическим зарядом «немой сцены». Кстати, «немая сцена» не включает в себя сообщения «о приезде настоящего ревизора», как сказано в цитате. «Немая сцена» – результат «сообщения», наступает *после* него. Очевидно, эта переакцентация и вызвала восприятие «немой сцены» как *кульминации*.

Не решают проблему и такие соображения: «Спорность толкований *финала...* закономерна. В сущности, немая сцена и нужна для утверждения мысли *возможного* обновления обличенного. Но реализм писателя не позволил показать переход *возможности* в *действительность*, показать результат обновления... Вот почему идейно-художественная структура «Ревизора» *противоречива*» [7, с. 295-296]. Однако противоречие исчезает, если апосиопесис воспринимать как финальную *кульминацию*, а не как развязку.

Приведем еще суждение: «Разве смысл приезда ревизора по именному повелению в наведении страха?.. Мне кажется, глубина финала в том, что он раскрывает трагизм просветительской веры Гоголя в справедливого монарха... В «Ревизоре» *нет результата* нравственного обновления» [7, с. 302]. Выходит, финал есть, а результата нет? Тогда «немая сцена» лишена смысла? Но это невозможно. И вновь противоречие исчезает, если учесть, что «финалом» бывает не только развязка, но и *кульминация*. Именно она стала мощным толчком для множества толкований, однако они уже не авторские, а читательские и зрительские. Одни из них уводят в сторону от истинной разгадки авторского понимания смысла «немой сцены» (как развязка, сочиненная упомянутым Цициановым). Другие, наоборот, приближают к нему, особенно если опираются на дополнительные факты, исходящие от самого автора.

В данном случае второй вариант имеет дополнительное продолжение, и оно богато авторскими откровениями. Как известно, после «Ревизора» Гоголь сам написал не только «Развязку Ревизора» (1846), не понятую и не принятую М. Щепкиным, но и в 1847 г. еще более четкое «Дополнение к Развязке Ревизора» [1, с. 420-425]. Оно до сих пор остается недостаточно учтенным.

Между тем именно в «Дополнении...» Гоголь расставил окончательные акценты. Если в «Развязке Ревизора» он писал, что в пьесе «нет конца» в смысле развязки, ибо *страх* чиновников перед возможностью разоблачения не «снят» (не развязан), а наоборот, предельно *усилен* (что и указывает на *кульминацию*), то в «Дополнении...» – художественное (в виде диалога реципиентов) объяснение идейного замысла и «немой сцены». Приведем некоторые объяснения Гоголя – вначале (1.) из «Развязки Ревизора» (1846), потом (2.) из «Дополнения...» (1847):

1. (1846) «*Первый комический актер*. Да как же... вы не заметили, что «Ревизор» без конца?» – *Петр Петрович*. Позвольте... Неужели и это в законе искусства?.. Ведь это, по-моему, значит... поставить перед всеми запертую шкатулку и спрашивать, что в ней лежит?.. В таком случае нужно... дать ключ в руки. – *Первый комический актер*. Ну, а если ключ лежит тут же?.. Всмотритесь пристально в этот город, который выведен в пьесе! Все... согласны, что этакое города нет... Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?.. Ревизор... наша проснувшаяся совесть... Думаете, не хитрей ли всякого плута-чиновника каждая страсть наша?.. даже самая пустая, пошлая какая-нибудь привычка... Не с Хлестаковым, но с настоящим ревизором оглянем себя! Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем

государстве... Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, которого так боятся все низкие наши страсти!..»

2. (1847) «Семен Семенч. Что это, Михал Михалч, что вы говорите, какой душевный город? – *Михал Михалч*. Мне так показалось. Мне показалось, что это мой же душевный город, что последняя сцена представляет последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться себя... Его (писателя) дело изобразить это темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражаться... Вот что он должен был сделать. А это уж наше дело выводить нравоученье. Мы, слава богу, не дети... – *Петр Петрович*... Комедия пишется для всех. Из нее должны вывести нравоучение все... – *Михал Михалч*... Если и другие имели в виду прежде всего себя, вероятно, и они вывели бы то самое нравоучение, которое вывел и я... Ведь посмеяться мы любим над другими, а не над собой; увидеть недостатки... любим в других, а не в себе... Но если хотите уж поступать по-христиански, обратите ту же сатиру на самого себя... И бич в руках... А смех разве не бич? Или думаете, даром нам дан смех, когда его боится даже и последний негодяй, которого ничем не прошибешь?.. Значит, он дан на доброе дело... Зачем не обратим его вовнутрь самих себя... – *Семен Семенч*. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможен этот поворот смеха на самого себя?.. – *Михал Михалч*... Согласитесь, смех у нас есть у всех... Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у нас одних только может быть возможен поворот смеха на его законную дорогу... Он добр, он честен, этот смех. Он дан именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другим...» [1, с. 417-425].

Выводы. Итак, «немая сцена» (апосиопесис) как финальная кульминация «Ревизора» своей энергией зовет смеяться прежде всего над собственными недостатками и пороками ради избавления от них. Иначе пороки наши способны привести нас к душевному и духовному Апокалипсису. Иначе говоря, функция и цель «немой сцены» в «Ревизоре», которая является именно *кульминацией*, – пробудить в людях энергию совестливой самокритики ради личного и всеобщего блага. И в этом благородном деле Гоголь в первую очередь надеялся на силу литературы и театра как интеллектуальных видов искусства. В этом и злободневность гоголевского апосиопесиса, и его перспективы – функциональные и смысловые.

Список литературы

1. Гоголь Н. Собрание сочинений: [в 4 т.] – Т. 2 / Н. Гоголь. – М.: Правда, 1952. – 448 с.
2. Кулешов В. И. Этюды о русских писателях / В. И. Кулешов. – М.: МГУ, 1982. – 262 с.
3. Щерблякин И. П. История русской литературы (XI-XIX вв.) / И. П. Щерблякин. – М.: Высшая школа, 1985. – 512 с.
4. Гус М. Гоголь и николаевская Россия / М. Гус. – М.: ГИХЛ, 1957. – 376 с.
5. Ревякин А. И. История русской литературы XIX века: Первая половина / А. И. Ревякин. – М.: Просвещение, 1985. – 544 с.
6. Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин / Г. П. Макогоненко. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 352 с.

7. Теплинский М. В. Литература. 9 класс / М. В. Теплинский, Ю. И. Султанов. – К.; Ирпінь: Перун, 1997. – 446 с.
8. История русской литературы XIX века. 1800-1830-е годы / Под ред. В. И. Аношкиной и С. М. Петрова. – М.: Просвещение, 1989. – 447 с.
9. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М.: Просвещение, 1971. – 512 с.
10. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959. – 286 с.

Полежаєва Т.В. Концепт апосіопези в комедії Гоголя «Ревізор» // Ученіє записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.522-527.

У статті розглядається ефект «німої сцени», його роль і місце в комедії Гоголя «Ревізор». Надані різні точки зору дослідників щодо значення зав'язки, кульмінації та розв'язки твору, зроблений висновок відносно функції та мети «німої сцени».

Ключові слова: Гоголь, «Ревізор», апосіопеза, «німа сцена», зав'язка, кульмінація, розв'язка.

Poleshaeva T.V. Concept of «silent scene» in the Gogol's comedy «Auditor» // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.522-527.

The article shows the effect of aposiopesis, its part and place in the Gogol's comedy «Auditor». Here is some point of view of the investigators about the significance in the work of the plot, culmination, denouement and the result.

Key words: Gogol, «Auditor», aposiopesis, «silent scene», plot, denouement, result.

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.